

В.А. Дашевский

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ОХОНИНЫ БРОВИ»

Школьники младших классов уже познакомились с собранными писателем в одну книжку «Аленушкиными сказками». В старших классах, после прочтения романов «Приваловские миллионы» и «Горное гнездо», в их глазах возрастет репутация выдающегося писателя-реалиста Мамина-Сибиряка, создателя художественного эпоса об Урале. Сегодня мы предлагаем учащимся среднего и высшего звена повесть «Охонины брови» — произведение, посвященное волнениям мастеровых уральских заводов и крестьян, приписанных к монастырям, произошедшие в канун и во время пушечного движения.

Жанровые особенности произведения: образный мир, тип героя, структура

Эта небольшая повесть, написанная на фактическом материале одного исторического происшествия, случившегося в 60-70-е годы XVIII столетия в Зауралье, давно привлекает внимание читателей и литературоведов.

Читатель увлеченно и с тревогой следит за ходом описываемых событий и за поступками героев, формируя в своем сознании ясный и колоритный образный мир жестокого и одновременно героического далекого прошлого родного края. Образный мир исторической повести драматичен и лиричен. Вместе с участниками событий и автором читатель также любит широкий раздольем заливных лугов неукротимой и быстрой реки Яровой, высоко поднимающимися кручами ее правого берега с белеющими на них стенами православных храмов, а далее за ними, в вышине, к горизонту синеватыми вершинами гор, покрытых густым таежным лесом, получившими в народе романтические имена. Даль пространственная и временная завораживает, отчего жанрообразующий образный мир повести воспринимается в значительной степени эстетически. Однако и информационная сторона образного мира не менее содержательна.

С первых страниц писатель определил исторический конфликт, который развивается в сюжетном действии. В темнице воеводского

городка Усторожья томятся в ожидании предстоящей расправы вольные и невольные участники только что усмиренной рейтарами «дубинщины»: башкир-переметчик Аблай, слепец Брехун, местный казак Тимоша Белоус и дьячок из Служней слободы Прокопьевского монастыря Арефа. Каждый в ожидании своей участи, в суждениях человек своего времени и положения: один жаждет мщения, другой бредит вольностью, третий тоскует о семье, о своем немудреном хозяйстве. А победители — усторожский воевода Полуект Степанович и игумен Моисей — лютуют, нещадно истязая узников, чтобы навсегда пресечь дерзость непослушания. Историческая психология здесь подается автором в обусловленности исторического сознания.

Исторический конфликт получает развитие в жизненной судьбе главного героя. Читатель с нетерпением следит за изощренными надругательствами над личностью, беззащитной перед властями и физически, и социально. Дьячка Арефу воевода по собственной прихоти из застенка посылает на Баламутский завод к прижимистому хозяину и прожженному негодю Гарусову, которому доставляет удовольствие мучить людей: от горячей печи, плавящей руду, неожиданно и беспричинно Арефу спускают в сырой и холодный забой медного рудника. Дьячок покорно сносит обиды и побои, уповая лишь на защиту святого Прокопия. Силой обстоятельств он втянут в повстанческое движение, участвует в массовом побеге, как грамотей пишет по настоянию атамана подметные письма от имени самозванного государя Петра Федоровича. И этого было достаточно, чтобы в глазах власти оказаться среди опасных мятежников и снова подвергнуться наказанию, лишению имущества, семьи, гражданских прав.

Сущность и глубина конфликтной ситуации в историческом повествовании структурирована развитой системой образов-персонажей, многие из которых представляют собой исторические типы. Образ дьячка Арефы — несомненная удача историографа. Ничем не примечательная фигура из низов, лицо почти безымянное, позволяло автору погрузиться в самую толщу той среды, которая составляла основную массу «населенников» сибирских земель. Не выдался статью и ликом, тщедушный и неказистый Арефа робок в отношении своей дьячихи и не особо храбр на рати, но способен ко всякому делу, умелец в хозяйственной работе, рачительный хозяин и заботливый

Вячеслав Алексеевич Дашевский — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Уральского государственного педагогического университета.

семьянин. Писатель убеждает читателя, что вот такими руками и заботами таких работников обживался Урал. Незаурядность Арефы в доброте и во всепрощении, которые не всегда оказываются кстати. Он чрезвычайно словоохотлив, сметлив и наблюдателен. Арефа из сословия образованных и весьма осведомленных людей, что давало возможность писателю непринужденно сопровождать свой рассказ историческими справками: о превращении обители Саввы в Прокопьевский общежительный монастырь, о хитрых фортификационных сооружениях Усторожского городка, обороняющих от орды южные рубежи обрусевшего Урала, о предприимчивости бывшего табунщика Гарусова, заложившего сначала железнорудный, а затем и медеплавильный заводы, о взаимоотношениях местной власти с Тобольском — административным центром обширной Сибирской земли. Причем вся поступающая информация сопровождается фактами с участием местных церковных деятелей, строителей и организаторов, о которых дьячок Арефа хорошо знал. То, что все эти сведения пропущены через сознание главного героя, свидетельствуют и речи с характерной церковной фразеологией.

Писатель Мамин, создатель больших полотно о прошлом Урала, хорошо представлял роль церкви в продвижении русских людей в сибирскую сторону, как при поддержке воинской силы закреплялись они на новых землях, разрабатывали их, сообщая им плодородие; также изучил он, как наиболее предприимчивые из «пришлых» использовали возможности для беззастенчивой эксплуатации послушных и безответных, чтобы извлечь прибыль, увеличить доход от затеянного дела по извлечению из недр Уральских гор сокрытого в них богатства. Симпатии автора отданы таким, как Арефа, трудолюбивым и старателям, бережно и мастеровито осваивающим природные ресурсы Урала. Среди этой массы он выделяет людей физически ладных, душевно богатых, гордых и свободолюбивых. Таков красавец казак Тимоха Белоус. Писатель обращает внимание читателя на его богатырский склад и могучие плечи, на железные руки, способные гнуть оковы, бойкие глаза и дерзкие речи. Неукротимый нрав, сопротивление насилию, устремленность к воле и сила чувства роднят его с романтическими героями.

Романтичен также портрет «роковой девушки», именем которой названа повесть. Она тоже наделена телесной красотой: «среднего

роста, с загорелым и румяным лицом ... скуластое лицо с приплюснутым носом и узкими темными глазами ... напоминали об исходе ее матери из ордынского полона с уже готовым плодом. Дополняла девичью красу туго заплетенная черная коса, которая ползла по спине как змея. Всего же замечательнее были густые, черные, сросшиеся брови, союзные, как говорили в старину. Такие брови, по народному поверью, только у счастливых людей» (с. 10). Так оно и вышло: она была любима, вольна в своих чувствах и поступках, дорожила своим достоинством, выразив понимание своего независимого положения несколько наивной, но исполненной глубокого смысла фразой: «Я — отецкая дочь», следовательно, никому больше принадлежать не может. Гибель Охони от руки любимого романтически окрашена, но другим ее конец трудно представить, а восхищенная народная память закрепила имя из легенды за знаковым урочищем, дав ему имя «Охонины брови». Писателю были хорошо известны многие памятные места, в топографии представляющие историю Урала.

Повесть по своей структуре динамична, что обусловлено перемещениями героев и их драматическими судьбами. Напряжение поддерживается ожиданием исторического возмездия: об этом шепчутся по углам, это слышится в предсмертных хрипах забытых углекопов и в зашифрованных на казацкий лад речах бродячего слепца Брехуна. Слухи о выступлении Башкирии и движении пугачевских отрядов усиливают боевое настроение заводчины и разоренных поборами крестьян. Пафос повествования поддерживается ликованием повстанцев и паническим страхом власть предержащих. Кульминационной становится глава с описанием осады и штурма монастыря, в которые вовлечены герои повести. Неудача выявила слабую организацию всего повстанческого движения, его стремительный самороспуск привел к трагической развязке и массовой расправе. Автор открыто терзается мыслью о торжестве зла в воссозданной им исторической дали, потому он обращается к традиционным сказочным концовкам с утверждением доброго начала. Не отступая от законов реалистического искусства, Мамин оживляет своих героев в легендах, в слухах, в народной памяти, поддерживая тем самым надежду на разрешение в конечном итоге образовавшейся дисгармонии в Божьем мире. Когда и как это произойдет, автор не знает, но большая уверенность в том, что герои его заслуживают лучшей доли, приводит его к мажорному эпилогу. В результате ритмико-мелодическая организация повествования сохраняла атмосферу

живого дыхания Уральской земли, обживаемой трудолюбивым и талантливым русским народом, достойным уважения и права свободно решать свою судьбу.

Итак, нами еще раз неспешно прочитана повесть с целью выяснения ее жанровой определенности. Сделать это необходимо потому, что она до сих пор не получила развернутой характеристики. К тому же в эпическом творчестве Мамина-Сибиряка это единственное историческое повествование. При отсутствии опыта и без знания законов этой специфической литературной формы легко было свести весь замысел к романтической повести о любовной драме на легендарной основе. Но этого не случилось. Напротив, писатель проявил тонкое чувство жанра и понимание его эстетического назначения. Удивления достойно, как скоро он постиг требования литературной формы и реализовал их в своем вдохновленном рассказе. Автор сумел художественно и выразительно воссоздать интерьер, диковинный ландшафт территории, на котором будет происходить историческое действие; установить время происходящих событий, нигде не допуская анахронизмов, разработать исторические типы, соответствующие характерам его персонажей, композиционно структурировать отдельные сюжетные линии, подчинив их логике исторического происшествия, овладеть речью данной исторической эпохи, ввести в текст документы исторического времени, мастерски использовать многочисленные исторические детали, отбирая нужные и обращая к ним в подходящий момент.

Речевая организация повести

Речевая организация Д.Н. Мамина-Сибиряка представлена двумя планами: речью повествователя и речью персонажей. Общим для них являются их архаизация и соотнесенность с местным уральским говором. Писатель старался создать ощущение отчуждения исторической эпохи от современности и общероссийского стандарта и в этих целях широко использовал лексические средства, грамматические формы и синтаксические конструкции языка экзотического:

«...Орда-то прежде частенько-таки набегала на монастырскую вотчину — и дома сожгут, а людей поколют и в полон возьмут. Не можно было ущититься, а спасал все он же, преподобный Прокопий...» (7).

Главным источником авторского языка был документ. Чаще всего он обнаруживался в

исторических комментариях и в описаниях окрестности Зауралья, городка Усторожья, Прокопьевского монастыря и Баламутского завода. Нетрудно догадаться, какими именно свидетельствами воспользовался писатель для создания ярких и выразительных зарисовок воеводского двора и келий монастыря, расположения железнодорожного завода и избы заводчика с конторой при ней. При этом Мамин активно вводит в свою речь слова и отдельные выражения, сохранявшие их изначальное значение и форму:

«... Работа в кричной показалась Арефе с непривычки настоящим адом. Огонь, искры, грохот, ляг железа, оглушительный стук двадцати тяжелых молотков... Двое подмастерьев указали ему, как «сажать» кричу в печь... Уставщик похаживал с правилом в руках и зорко поглядывал на работу...» (62).

Значительная роль в авторской речи отводится интонации: восхищения делом рук человеческих, созидających материальные ценности в обживаемом крае, и крепостью духа засельщиков:

«... Народ заводской был все такой же дюжий, точно сшитый из воловьей кожи...» (60).

Писатель негодует, осуждая всяческие формы угнетения и унижения рабочих, которые ему приходилось воссоздавать, восстанавливая историческую правду:

«... Шесть сильных рук схватили Арефу и поволокли с господского двора, как цыпленка. Дьячок даже закрыл глаза со страху...» (58).

Эмоционально воспринимая историческую действительность, Мамин всегда стремится сохранить ощущение давнего времени, но судит о прошедшем представлениями о справедливом общественном устройстве с позиций революционной демократии. Слышится в авторском голосе удовлетворение первыми успехами пугачевского восстания:

«... Смута росла, как пожар. Теперь уже все было охвачено: и бывшая монастырская слобода, и южные заводы, которые были в Оренбургской губернии. Воровские люди заняли весь Яик, а потом разошлись по казачьим станицам на Ую...» (100).

Одобрительно оценивает Мамин и действия мятежников на баламутском заводе как проявление возмездия за причиненные унижения и страдания, описанные им в повести.

Однако движение повествованию сообщают не столько авторские описания, сколько диалоги участвующих в рассказанных событиях персонажей. Их речи, в сущности, и определяют динамику сюжета исторической повести.

Находясь в нижней клети усторожской судной избы, Арефа рассказывает сотоварищам по узилищу о поводе своего заточения. Здесь завязка

сюжета повести и определение конфликта того происшествия, которое станет предметом авторского освещения: почему и как народное волнение повсеместно набирает силу:

Арефа: «... Имею большую причину от игумена Моисея... Нещадно он бил меня шелепами... А еще измором морил на всякой монастырской работе. Яко лев рыкающий, забрался в нашу святую монастырскую обитель... Лютует над своею монастырской братией и над крестьянами... А тут «духовные штаты» ограничили землю, крестьян и всякое монастырское угодье... А тут еще «дубинщина» ваша. Меня же прицепили к ней неповинно...»

Брехун: «Сказывай! Вы больно умны с игуменом-то. Какой крестьянин без земли... Государский указ монахи скрыли. Как бы не воевода Полуект Степаныч, так тряхнули бы вашим монастырем!.. Погоди, еще тряхнут!..» (5).

Люди социального низа, преследуемые властями, но с разным жизненным настроением, с разными взглядами на происходящее — они вводят читателя в обстановку классового противостояния, сложившегося у Покровского монастыря.

Диалогом представлена сцена освобождения дьячка Арефы, определившая дальнейшее развитие сюжета. Трогательная встреча отца с дочерью Охоней знакомит с героиней и семейным положением Арефы. Любящая дочь отважно бросается под ноги коня воеводы:

«... Ушити, воевода, честную отецкую дочь!.. Батю отдай!.. Безвинно он на цепь посажен... Матушка слезами изошла!..» (14).

Приказ воеводы выпустить колодников будет исполнен, но драма семьи, попавшей в водоворот истории, получит художественное воплощение в дальнейших злоключениях дьячка Арефы.

Обострение исторического конфликта, угрожавшее существующему порядку, проясняет диалог воеводы с игуменом Моисеем:

Моисей: «Получил я опасное письмо, шtbody на всякий случай обитель ушитить можно было от воровских людей. Как бы похуже своей монастырской дубинщины не вышло, я так мекаю. ...А ты сидишь у себя в Усторожье и сном дела не знаешь...»

Воевода: «Приказу не получал, а мое дело подневольное...»

Моисей: «На Яике объявился не прост человек, а именующий себя высокою персоною...»

Воевода: «А на што рейтарские и драгунские полки, владыка?..»

Моисей: «Я за свой монастырь не опасюсь: ко мне же придет в случае чего. Те же крестьяне прибегут, да и Гарусов тоже... У него на заводах большая тягота, народ подымется, только клички клич!..» (38).

Осведомленный игумен должен опасаться крестьянского мятежа. В его голове слышатся страх перед новой дубинщиной и досада от бездействия власти. А воевода еще не отдает

себе отчета о грядущей опасности, однако тревожно становится и в воеводском доме.

Посредством коротких диалогов, а порой и реплик разнотипных участников событий автор передает возрастающее напряжение в мятежном крае. Осада Прокопьевского монастыря рассматривается как кульминация сюжетного действия. Возгласы, призывы, приказы, сопровождаемые стрельбой из ружей и пушек, колокольным звоном — создают необходимый шумовой эффект массового наступления:

— «Надо будет из-за воез с сеном добывать монастырь...»

— «Сдавайтесь!.. Может, батюшка Петр Федорович и помилует...»

— «Измором возьмем это воронье гнездо...»

— «Вот уже придет к нам подмога из Усторожья... так уж тогда мы с тобой поговорим, оглашенный!..» (117).

Со всей очевидностью повстанцы терпят поражение, их смятение тоже передано обрывочными фразами, полными ярости и отчаяния. И также речевой материал послужил прояснению последующей судьбы главных героев повести.

Часто используя диалог и полифонию в целях развития сюжетного действия, Мамин при всем том отлично владеет мастерством индивидуализации речи своих героев. Языковая характеристика каждого социально и психологически обусловлена и также соотнесена с историческим временем и местоположением в географическом пространстве.

Арефа Кузьмич — дьячок. В исторической повести он центральный персонаж, его приключения занимают большую часть содержания книжки, к драматической судьбе этого героя приковано внимание писателя. Церковнослужитель, хотя и малограмотный, но довольно осведомленный о прошлом и настоящем края, просвещен в церковных отношениях. Словоохотлив и многословен, богатый жизненный опыт давал материал для многочисленных рассказов, а речевая практика богослова позволяла ему обогащать их аналогиями библейских образов. Здесь была уместна церковная фразеология, потому речь Арефы легко узнаваема:

«...А бысть мне в нощи прещение... Видел я преподобного Прокопия и слезно плакался: его молитвами умягчилось воеводное сердце...»;

«...Зело оскорбел во узилище... Сидел на гноище, как Иов многострадальный...»;

«...Не от себя лютует Тарас Григорыч, а по дьявольскому наущению. Не сердитую я на их темноту и ослепление... Воздай им, господи, добром за зло, а мои худые слезы видит один Прокопий преподобный...».

Арефа — лицо страдательное, потому его речи полны обиды за себя, за всех униженных и загубленных. Однако он не лишен веры в правосудие.

дие, надеется лишь на своего покровителя преподобного Прокопия. Среди мятежников он случайный человек:

«...Пусти меня, атаман, к дьячихе. До смерти стоковался по своему домишке...» (110).

Охоня — песенная дева, и речь ее, соответственно, песенная. Ее появление с плачем и причитаниями обосновано авторским заданием: светлый образ должен сообщать народным чаяниям и надеждам утверждающую тональность:

«...Родимый ты мой батюшка, застава наша богатырская! Жили мы с матушкой за тобой, как за горою белокаменной, зла-горя не ведали...» (9).

Индивидуализирована и речь угнетателей народа, реальность этой силы должна быть представлена убедительно. Воевода Полуект Степанович Чушкин представляет собой государственную власть, и порядок в Усторожье он поддерживает с помощью воинской силы. Властность в голосе, грозный окрик в его стиле:

«...Гей, приковать его за шею, отдельно от других!...» (15).

Но он уже старый человек, уставший от государственной службы. Одряхлев, он любил покалякать с опальными иноками о недавней заворохе, много мог рассказать о своих злоключениях, поплакаться слезами о невинно убиенных:

«Все мы грешные люди... А на каждом грехов, как на черемухе цвету...» (125).

Игумен Моисей — злобный старик, раздосадованный утратой монастырем прежней вотчины и власти над крестьянами, но утраченный неповиновением приписных мужиков, он еще более ожесточается в расправе над непокорными. Даже воеводу старец обругал потребными словами:

«...Аз ты старый козел... заморю на поклонах... Ползать будешь за мной, Ахав нечестивый!...» (36).

Гарусов — один из многих организаторов промышленности на Урале, расчетливый и хитрый, двуличный и вероломный, и к своим работникам и ко всем тем, кто попадает в его сети. Беспощадный, изощряется в истязаниях удовольствия ради. Переполненный злорадством, гаденько насмеяется над обманутыми людьми:

«А уговор забыл?.. Задатки любите брать, а?..» (60);
«Што, монастырская крыса, обознал теперь, какой есть Гарусов?.. Эй, возьмите эту ворону!...» (57).

В речи персонажей простого люда много слов и выражений, имеющих урало-сибирское происхождение. Здесь и топонимика, и заводская терминология, и местное название бытовых предметов. Специфику этого говора Мамин хорошо изучил и умело использовал в формировании отдельных сценок и эпизодов.

Мастерство писателя в работе над языком исторической повести было обусловлено теми критериями, которых он придерживался в создании образного мира исторического времени в определенном географическом месте. Он отбирал точное слово, которое бы соответствовало эпохе и времени действия, с точки зрения его выразительности, размышлял, насколько уместно его присутствие в тексте, и не позволял себе увлекаться экзотикой в ущерб ясности писательской мысли и ее доступности читателю-современнику.

В результате всестороннего и глубокого осмысления писателем своей творческой задачи читатель получил полноценное по своему художественному качеству литературное произведение, ставшее к тому же великолепным образцом реалистической исторической прозы, где все жанрообразующие элементы объединены авторской концепцией воссоздания в одном драматическом эпизоде с участием частных лиц исторического облика старого Урала в период его обживания.

Литература:

Мамин-Сибиряк Д.Н. «Охонины брови». Повесть. Свердловск, 1986.

Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Свердловск, 1977. 2-е изд., 1982.

Дергачев И.А. Особенности реализма Мамина-Сибиряка // Дергачев И. Книги и судьбы. Свердловск, 1973. С. 75-92.

Дергачев И.А. Фольклор в художественной системе Д.Н. Мамина-Сибиряка // Фольклор и литература Урала. Пермь, 1971. Учен. зап. Перм. гос. пед. инст-тута. Т. 90. С.89-92

Китайник М.Г. Д.Н. Мамин-Сибиряк и народное творчество. Свердловск, 1955.

Боголюбов Е.А. Мамин-Сибиряк // История русской литературы. Т. 9. Ч. 2. М.; Л., 1956. С. 267-290.

Филатов А.М. Повесть Д.Н. Мамина-Сибиряка «Охонины брови» и историческая проза 1870-1890-х гг. Сб. 6. Свердловск, 1974. С. 103-114.